

Пролог

Ей кажется, она всегда знала, что когда-нибудь это произойдет. Когда-нибудь она с этим столкнется. Ее самый жуткий страх сопровождал ее всю жизнь. Он словно испытывал ее, оставаясь неподалеку. Все те годы, когда она представляла, думала и гадала, как это случится: поглотят ли ее волны, унесет быстрая река или ее будут силой удерживать на дне сверкающего бассейна, — в конце концов привели ее сегодня в это место.

Она опасливо подходит к краю лодочного причала. Из-за промозглого холода кожа на пальцах начинает бледнеть. Она опускается на корточки, потом садится и окунает ступни в воду — резкий холод пронзает, как электрический разряд. Ее дыхание учащается, когда она поворачивается и начинает скользить. Вскрикивает, пытаясь ухватиться за мокрый край, но вцепиться в него не получается — старое дерево осклизло от наросших мелких водорослей, и ее пальцы срываются. С тихим всплеском она соскальзывает в воду, рыдая от ужаса и облегчения, когда ноги встают на илистое дно озера. Уровень воды оказывается немного выше ее талии. Согнув руки, она начинает медленно, сантиметр за сантиметром, продвигаться по неровной наклонной поверхности дна. Когда она добирается до торцевой стены лодочного сарая, вода доходит

ей до подмышек. Она знает, что учащенное дыхание грозит гипервентиляцией легких. А еще ее может вырвать. Или она может потерять сознание.

Нет, нет, нет! Нельзя споткнуться, нельзя упасть. Мелкие шажки. Давайте, ножки, притворитесь, будто вы бежите. Бежите в замедленной съемке. Быстрые ножки, делающие уверенные шаги. Сначала одна, потом другая.

Она пробирается сквозь тростник, и на нее накатывают отражающиеся от деревянных стен небольшие волны. Она задирает подбородок: вода плещется у лица. Делая шаг за шагом, она борется с наступающей паникой. Паникой, которая грозит скрыть ее под водой. Паникой, которая может ее прикончить.

Она приближается к низко прибитым доскам, преграждающим выход. Сейчас она должна поднырнуть под них, проплыть сквозь неведомое, пробиться через переплетение водорослей и выплыть за стеной лодочного сарая. Она знает: если задумается, то не решится это сделать. Поэтому одним отчаянным резким движением она заставляет себя нырнуть. Но, окунувшись с головой в студеною воду, не выдерживает и теряет равновесие. Ноги скользят, и она погружается еще глубже в стоячую противную черную жижу, в заросли озерных водорослей и тростника. Она реагирует на случившееся так, как всегда боялась, так, как ей снилось в ночных кошмарах: она делает вдох. Из рта вода тотчас проникает в легкие, и она беззвучно кричит от ужаса. Тильде кажется, что время остановилось. Разум говорит: она должна немедленно встать на ноги, схватиться за что-нибудь, высунуть голову наружу, на воздух. Инстинкт велит бороться, биться, цепляться за доски. Но окружающие чернота и тишина манят остаться. А холод, пробирающий до костей, держит в железных объятиях, парализуя не только ее тело, но и волю.

1

Сирен

Вокруг царит тьма. Благословенная ночь. Освобожденные от света и туманных видений, мои мысли находят себе пищу в завывании ветра за окном. Этот звук рисует в моем воображении картины деревьев, шатающихся и гнущихся под яростным натиском стихии. Ивы и орешник раскачиваются, грозя быть вырванными с корнем. Березы и ясени пригибаются к земле под свирепым напором силы, исходящей с небес. Но дуб отказывается преклонить колена. Он стоит неподвижно, упрямый, неколебимый. Он скорее переломится, чем сдастся. Мой разум как ива — гнется и пружинит. Но сердце подобно дубу. Пусть они только попробуют ранить меня. Пусть только попробуют.

Тильда

Ее ноги бегут, глухо стуча по засохшей грязи. Кроссовки «Найк» топчут твердый грунт. Вдох. Выдох. Вдох, когда левая ступня через раз касается земли. Выдох, когда через раз ее касается правая. Надо сделать шаг шире на пять

сантиметров, не больше. Скорость, ритм, бег, чередование шагов, поэзия движения и физических усилий.

Тильда любит бегать. Ей нужно бегать. Тильда бежит свободно, плавно, непринужденно, но мощно и целеустремленно. Она переслаивает мерный ритм своих шагов яркими, сочными образами — образами, которые соберет воедино, когда вернется домой. Это будет урожай, собранный с янтарного осеннего леса, через который она бежит. Все ее лучшие работы рождались именно так. Бег заряжает ее тело и разум. Если Тильда не бегаёт, ее мысли перегреваются и перенасыщаются, становятся потенциально плодородными, но реально непригодными для использования, подобно компосту. Они слипаются в массу, слишком плотную, чтобы создать из нее отдельные художественные образы. Тильда сворачивает с дороги, идущей через лес, и пускается бежать по узенькой тропинке, пересекающей луга.

Дыши — ступай, дыши — ступай. Сердце бьется в грудной клетке. Легкие, тренированные, сильные, дышат легко. Луговина расстилается вокруг. Открывающийся вид поднимает настроение. Зеленая, яркая, мягкая, бархатистая трава. Зеленый — цвет жизни.

Левая нога наступает на маленький камешек, и Тильда на мгновение выныривает из задумчивости, сбиваясь с ритма. Холодный воздух обжигает горло. Погода сегодня прохладная, но сухая. Год заворачивает за угол и оставляет лето позади, но плодоносное перегнивание осени еще полностью вступило в свои права. Запах грибов едва ощутим, и под ногами лишь изредка похрустывает скорлупа осыпавшихся лесных орехов. Когда наступит следующее полнолуние, дни станут короче, а тени — длиннее.

Сильные ноги Тильды несут ее по лугу к обрамляющей его живой изгороди. Бегунья находит узкую щель, наклоня-

ется, чтобы протиснуться сквозь заросли ежевики, и слышит свое шумное дыхание. Рядом выскакивает белка и быстро взбирается на ближайшее дерево. Тильда срывает блестящую черную ягоду и кладет в рот, затем бежит дальше по знакомой тропе, выходящей сквозь лесок из орешника и терновника. Наконец она снова выбегает на открытое место на берегу озера. Губы растягиваются в непроизвольной улыбке. Каждый раз, когда Тильда прибегает сюда, озерная гладь напоминает, как ее тянет к тому, чего она боится. Глубокая вода — кошмар из детства, кошмар, который продолжает ей сниться. Тильда не может представить ничего, что могло бы заставить ее свернуть с тропы и ступить в воду, нарушив ее шелковую поверхность. И все же ей нравится бегать по берегу озера, находиться так близко от него, чувствовать, как завораживают и таящийся в нем ужас, и красота. Каждый раз Тильда позволяет себе чуточку посмеяться над своим страхом. Это как нервная дрожь, которую испытываешь, когда смотришь фильм ужасов. Напоминание о том, что значит — быть живой. И о том, как близко от тебя притаилась смерть. Любая смерть. Его смерть.

Ты не должна об этом думать, только не теперь. Не должна слабеть. А ну, быстрее! Прибавь скорость. Ноги и руки двигаются, помогая друг другу. Мышцы икр напрягаются, но не обращай на это внимания. Беги, девочка, беги. Быстро. Легко. Уверенно. Я вижу тебя, ожидающая вода. Я вижу тебя. Еще одна миля. Поворот обратно, возвращение домой.

Домой. Хотя Тильда мысленно и произносит это слово, ей все еще трудно думать об этом коттедже как о чем-то большем, чем нынешнее жилище. Ведь что такое дом? Несомненно, это не просто несколько комнат, крыша, почтовый адрес. Когда говоришь «домой», подразумевается, что ты связана с

этим местом неразрывными узами. Это предполагает теплоту, безопасность, дружеское общение. Любовь. Когда Мэт умер, все это умерло вместе с ним. Поэтому она возвращается в коттедж. В место, где она теперь живет. Живет уже месяц или почти месяц. Это место, где она должна жить. Где будет работать. Где будет просто находиться. Называть его домом значило бы ожидать от него слишком много. Во всяком случае, пока.

Сегодня Тильда не обежала озеро, вместо этого она разворачивается, чтобы еще раз пробежать мимо церкви Святого Канона и дома Старой Школы. Церковь, возведенная в норманнскую эпоху, приземиста и крепка, чтобы противостоять и времени, и сырому озерному воздуху. Прилегающее к ней кладбище ухожено: действующее, оно сохранило несколько старинных надгробий, наклонившихся друг к другу под углами, которые выдают их почтенный возраст.

Точь-в-точь старики за столом, подавшись вперед, беседуют после нескольких пинт пива.

Дом Старой Школы смотрится здесь неуместно. Построенный в соответствии с представлениями девятнадцатого века о том, как должно выглядеть идеальное сельское сооружение, с перегородчатыми окнами и низкими свесами крыши, он полон буколического очарования. Это уже не школа, а уютный дом человека, который хорошо разбирается в садоводстве. Тильда пробегает мимо по тротуару, ведущему к тропинке между живыми изгородями, пересекает узкую дорогу, на которой в выходные будет полно машин, и бежит вверх по склону холма к своему коттеджу.

Тай Гвин — скромный дом сельского рабочего, к которому ведет крутой подъем. Он стоит на холме, крепкий, безмятежный и чуточку самодовольный, как будто наслаждаясь открывающимся видом и слегка посмеиваясь над людьми,

которые, тяжело дыша, взбираются по склону к его голубой парадной двери. Выбеленные известью камни сияют в лучах осеннего солнца, резко выделяясь на фоне постепенно выцветающей зелени горных пастбищ, а синевато-серый цвет шиферной крыши точь-в-точь совпадает с оттенком каменных стен, окружающих сад. Тяжело дыша, Тильда поднимает щеколду деревянных ворот, которыми заканчивается ведущая к коттеджу ухабистая тропа, и опускает ее, чтобы в сад не забрались привлеченные зеленью овцы. Тильда напоминает себе, что когда-нибудь она начнет получать удовольствие от ухода за небольшой лужайкой и цветочными клумбами, от выращивания забытых и брошенных растений. Когда-нибудь. Дорожка из неровных каменных плит ведет вдоль боковой и задней стен дома к черному ходу, дверь которого отпирается массивным ключом, хранящимся под горшком с тимьяном. Температура внутри коттеджа не намного выше, чем снаружи, но Тильда слишком разгорячена бегом, чтобы жаловаться на холод. Она поднимает жалюзи, чтобы впустить в кухню с низким потолком свет раннего утра, и ставит на конфорку чугунной дровяной печи полный чайник. Это старое чудовище так медленно нагревается, что вода еще не скоро закипит. За то короткое время, которое Тильда прожила в Тай Гвин, у нее успели сформироваться привычки. Когда изо дня в день повторяешь одну и ту же нехитрую работу, это успокаивает. Успокоение, которое дает стереотипное поведение. Последовательность движений, к которой постепенно привыкаешь, помогает превратить новое в хорошо знакомое, заполнить сознание целевыми установками, оставив в нем меньше места для непрошенных страхов и сомнений. Она достает из холодильника молоко, наливает стакан и пьет, прислонившись к раковине. Тильда чувствует, как учащенное сердцебиение, вызванное физической нагрузкой, становится

медленнее. Молоко одновременно освежает и охлаждает ее разгоряченное тело. Она смотрит на кухонные часы и понимает, что они остановились.

Очередная негодная батарейка. Вот что значит покупать недорогие торговые марки.

Тильда стаскивает кроссовки и поднимается на второй этаж в крошечную ванную комнату. Душ старый, работает с перебоями и, стоит его включить, чихает, не обещая ничего хорошего. Она оставляет его плеваться горячей водой, а сама стягивает вязаную шапочку и спортивный костюм для бега, прежде чем ловко расплести тяжелую косу и распустить волосы. Зеркало начинает запотевать от пара, и отражение в нем становится еще более призрачным, чем обычно. Тильда вытирает стекло и вглядывается в бледное лицо молодой женщины, смотрящее из зеркальных глубин. Клубящийся пар затуманивает его.

Я могла бы исчезнуть. Только и нужно, чтобы с каждым днем мое лицо становилось все более размытым.

Она встает под душ, и струи горячей воды обволакивают ее тело. Светлые, почти белые волосы прилипают к голове, становясь темнее, приобретая оттенок сплава олова со свинцом. Кожа краснеет. Сейчас тело обрело самый отчетливый цвет и стало наиболее непрозрачным. Ей следовало придумать новые инструкции: чтобы сделать плоть видимой, добавь горячей воды. Мать когда-то сказала, что, держа ее, новорожденную, сомневалась, как эта девочка, кажущаяся такой хрупкой, такой тонкокожей, такой невесомой, сможет выжить. Но Тильда ей показала. Она выросла высокой и сильной. И доказала матери, что та была не права.

Когда она одевается и высушивает волосы полотенцем так, что они, распущенные и прямые, хрустальным потоком рассыпаются по спине, день полностью вступает в свои пра-

ва. Тильда берет большую кружку с горячим чаем и выходит на поросшие мхом каменные плиты маленького внутреннего дворика, расположенного перед парадной дверью. Как всегда, открывающийся отсюда вид бодрит, как глоток чистого воздуха.

Вот почему мы купили этот дом. Из-за этого вида.

От головокружительного обрыва сад отделяет только каменная стена. Склон уходит вниз так круто, что Тильде видно густую рощу — скорее зеленую, чем золотую — и расстилающиеся за нею небольшие луга, окружающие озеро. Этим утром вода в нем недвижна, как стекло, ее поверхность не рябит ветерок, не колышет никакое действие, не считая передвижений водоплавающих птиц. Дальше, за озером, возвышаются Бреконские маяки — древний горный хребет, каменный щит, ограждающий здешний край от буйных ветров, а когда-то давно — от нашествий с запада. Когда они с Мэтом впервые обнаружили Тай Гвин и встали на этом самом месте, он взял ее за руку, и они улыбнулись, глядя друг на друга. В то мгновение оба поняли, что именно здесь начнут семейную жизнь.

Только у судьбы были другие планы.

Незримая опасность спугивает с дерева трех грачей, и они взлетают со своего насеста, хлопая крыльями и громко крича. Этот пронзительный неблагозвучный крик вызывает у Тильды резкую реакцию: она переносится в ту минуту, когда погиб Мэт. Воспоминания становятся такими яркими и живыми, что она снова вынуждена пережить разрывающий сердце момент. Тильда больше не стоит в саду под сентябрьским солнцем. Они едут в машине Мэта, возвращаясь из медового месяца, и на ветровое стекло обрушивается дождь, мимо проносятся размытые огни фар. Машину ведет она. Тильда чувствует, как руль повело в сторону, когда лопнула

покрышка. Она тормозит и останавливается на обочине. Мэт выходит из машины и подходит к колесу, чтобы его осмотреть. Жестокая память переносит Тильду в те мгновения: вот муж наклоняется к окну водительской двери, пытаясь заглянуть внутрь. Из-за дождя его черты кажутся размытыми. Он что-то говорит, но из-за шума слов не разобрать. Мэт показывает рукой куда-то вперед, на край дороги. Она вытирает запотевшее стекло, сдвигает брови, силясь разглядеть его и расслышать. А потом, в мгновение ока, муж пропадает из виду. Исчезает. Она так и не смогла вспомнить цвет грузовика, который его сбил. Позднее ей сказали, что грузовик шел порожняком, возвращался на континент после дальнего рейса, и водитель, хотя его и нельзя обвинить в халатности, был не так бдителен, как того требовали скорость и погодные условия.

Тильда трясет головой, вытирает глаза, и у нее перехватывает дыхание от боли, которую пробуждает в ней это видение, от заново шокирующего осознания, что Мэта больше нет, от груза щемящего горя — все эти чувства обрушиваются на нее в сотый раз.

Опять. Опять. Сколько еще времени это будет продолжаться? Прошло больше года, но каждый раз она видит эту картину так же явственно, и она так же страшна, как в первый раз. Неужели это никогда не прекратится? Неужели всегда будет так невыносимо?

Тильда на секунду оставляет глаза закрытыми. Когда она их открывает, яркий солнечный свет заставляет ее вздрогнуть. Тильда выливает остатки чая в горшок с геранью, разворачивается и возвращается в коттедж. Картонные коробки, заполонившие весь дом, напоминают, что надо распаковать вещи. Пока она обходится без их содержимого, но скоро надо будет разыскать зимнее пальто и более теплые одеяла. Кот-

тедж достаточно просторен для одного человека, но комнаты в нем маленькие, и находиться в них неудобно, пока их загромождают коробки. Тильда знает: разбирать вещи будет неприятно, зато ей станет легче после того, как она наконец это сделает.

Это как визит к стоматологу или заполнение налоговой декларации.

Мысленно она слышит голос отца, мягко укоряющий за то, что она никак не сделает ни того ни другого. Скоро родители захотят увидеть ее и будут настаивать на визите, чтобы убедиться, что с ней все в порядке, и удостовериться, что она устроилась на новом месте. Она должна постараться разобрать и расставить по местам все вещи и книги, если не хочет, чтобы мать укоризненно качала головой и поджимала губы.

Я сделаю это скоро, но не сейчас. Сегодня я начну работать. Работать по-настоящему.

Пристроенный к коттеджу маленький сарай использовался в качестве гаража много лет, пока его владельцами не стали они с Мэтом. Это было довольно простым делом — заменить дверь на две стеклянные, чтобы внутрь попадало достаточно света, подмести пол, поставить стеллажи и ящики с глиной и глазурью, установить глубокую керамическую мойку, небольшую дровяную печь и, разумеется, печь для обжига. Тильда с опаской смотрит на чугунную обжиговую печь, гадая, сколько пройдет времени, прежде чем она будет готова к работе. В старой студии, еще до того, как им пришлось в голову переехать в Уэльс, они столько раз ждали, сидя на иголках, когда эта штука достаточно остынет, чтобы можно было ее открыть и посмотреть — успешно прошел обжиг или нет. При тысяче ста градусах по Цельсию жар внутри гончарной печи мог бы за несколько секунд превратить человеческую